

Я влип в невероятную историю. Редактор отправил меня во Владимирскую область брать интервью у генерального директора крупного химкомбината. Я всегда с восторгом принимаю неожиданные задания ехать куда-нибудь. Причем мне, так сказать, по барабану куда ехать, лишь бы только ехать.

«Очень серьезный человек, — предупредил меня редактор, — поэтому рассчитываю на серьезную работу».

Сказано-сделано. Стартовал в шесть утра. Около метро «Юго-Западная» краем глаза заметил свору собак. Собаки как собаки. Прошел бы мимо, но увидел, что от своры отделился один деловой барбос. Прежде чем отойти от своих приятелей, пёс как-то странно посмотрел на них и кивнул, типа, увидимся позже, друзья. Собаки в ответ затоптались. Они явно замутили какой-то тайный проект.

Вот такое ничего не предвещающее наблюдение стало началом невероятной истории, которую я горю желанием побыстрее изложить. Вместе с псом мы спустились под землю. Я шел по лестнице, а рядом со мной перебирала лапами довольно крупная густошерстная дворняга со здоровыми мускулистыми конечностями. Мужик среднего возраста. Как и я. Беспородный кобель. Как и я. Он довольно нагло проскочил сквозь кордон дармоедов-контролеров и юркнул в вагон. Я зашел следом. В вагоне кобель лег на брюхо и положил морду на передние лапы. Прикрыл глаза. «Ой! — вскрикнул маленький мальчик. — Собачка на работу тоже едет!» Выражение лица у пса было задумчивое. Чувствовалось, что он повидал кое-что на своем веку...

Всякий раз, когда из динамиков доносился голос диктора, объявляющий следующую станцию, пёс поднимал и поворачивал уши в сторону источника звука. Похоже, он действительно ехал по важным делам и следил за последовательностью станций. На «Библиотеке имени Ленина» мы оба вышли. Вместе с потоком

пассажиров пёс засеменял на Арбатско-Покровскую линию. Я за ним. Он зашел во второй вагон от головы состава, а я в третий. Это я специально так сделал, чтобы барбос не заметил хвоста. Вообще-то, мне надо было ехать до «Курской», но я направился в противоположенную сторону. «Чуточку посмотрю, куда едет собака, — решил я, — и тут же на химкомбинат. Ну, немного опоздаю. Ничего страшного».

«Чуточка» не получилась. Мы доехали с псом до станции «Молодежная». Вышли в город. Сначала минут двадцать плелись по городским улицам. Потом объект свернул на бездорожье и потащил меня по каким-то совершенно несусветным местам — мимо гаражей, свалок, канав, пугающих металлических коробок без дверей и окон, мимо бульдозеров, вросших в глину по кабину. На всякий случай, чтобы не привлечь к себе внимания, я отключил мобилу.

В какой-то момент пес замер. Остановился, как вкопанный. Правая передняя нога его зависла в воздухе. «Спалился! — подумал я. — Все пропало! Херовый из меня шпион получился».

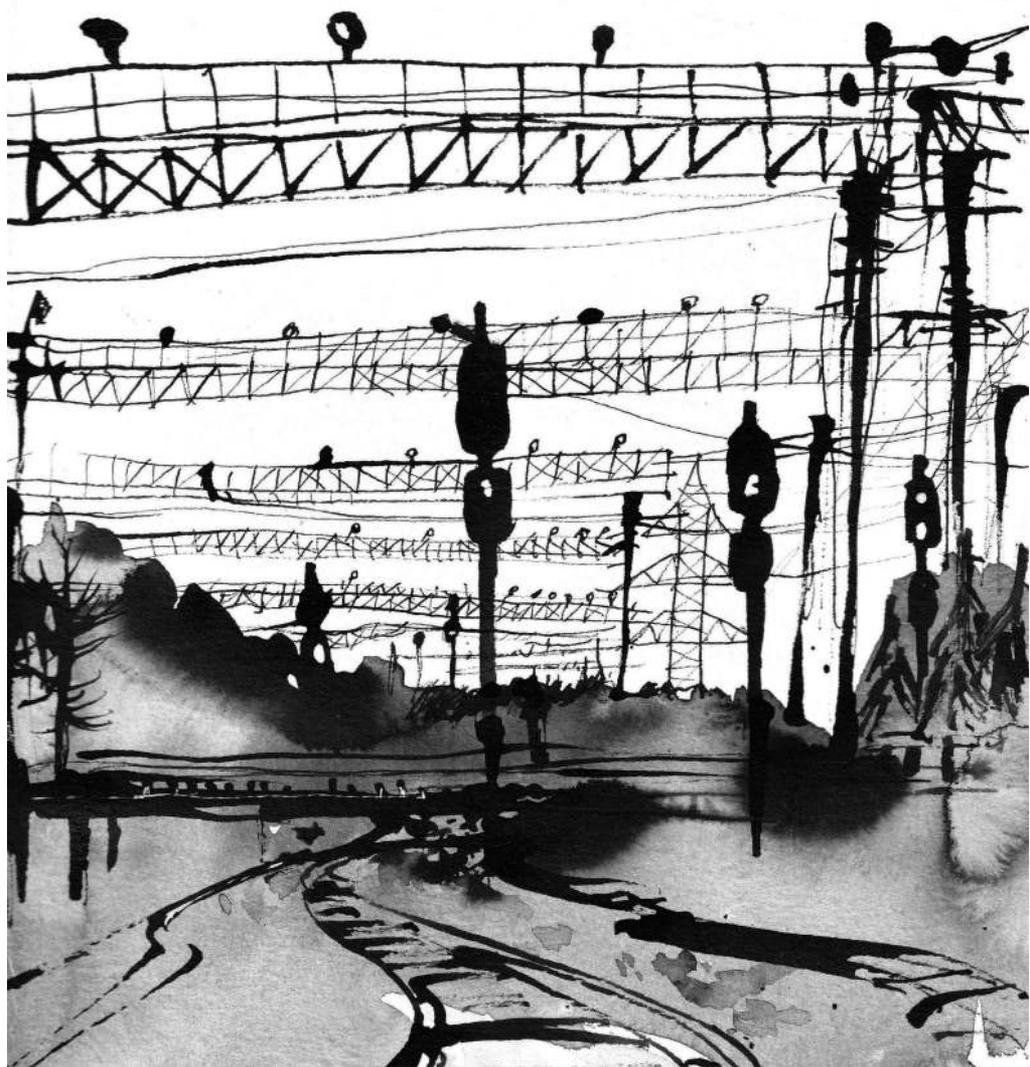
К счастью, неподалеку стояло толстое дерево, за которое я молниеносно шмыгнул. Объект очень медленно повернул голову, а уши, словно антенны направил в другую сторону. Передняя нога продолжала висеть в воздухе в полусогнутом состоянии. Я наблюдал за собакой левым глазом, высунув из-за дерева половину своего лица. Правый мой глаз уперся в разлом коры, напоминающий с близкого расстояния американский каньон.

«Да, тертый калач — этот пес, — подумал я, — обнаружил все-таки слежку».

На мою удачу ветер дул от собаки ко мне, поэтому псу не удалось меня учуять. Постояв так еще с полминуты, он снова двинул по делам. Я за ним. Мои парадные туфли и штанины брюк покрылись вязкой грязью. Я вырядился понта ради, чтобы герой интервью относился ко мне с уважением.

Опять замелькали сваи, прямоугольные домики строителей, канавы, ямы, заборы. Целью пути барбоса было кубическое здание с единственной дверью — станция отопления или как ее еще называют «теплоцентраль». На стене станции красовалась размашистая надпись, обладающая таким же непостижимым размашистым смыслом: «Кони еб-т мясо». Здание с загадочной надписью располагалось на пустыре, окаймленном крупноблочным потертыми многоэтажками. Пейзаж радовал глаз своей уютной унылостью.

У теплоцентрали моего пса поджидала собачья компания, состоявшая из пятнадцати-двадцати особей. Поскольку дело происходило на пустыре и спрятаться было негде, я решил притвориться собирателем целебных трав. Тем более вид у меня, так сказать, — ботанический: очки, не вполне русское лицо, бакенбарды. Мало ли что? Может, я — шведский ученый, приехал изучать флору московских пустырей. Я принялся рвать какие-то вялые дички, для убедительности цокая языком и покачивая головой: «Какой редкий экземпляр! Надо же!» Вроде,

моя буффонада убедила банду четвероногих. Собаки сначала восприняли меня с недоверием, но потом видимо решили, что вряд ли придурковатый лох может иметь к ним какое-то отношение. И зря, кстати. Я рылся в сорняках, а сам краем глаза наблюдал за лохматой группировкой. Сначала мой пёс подошел к выступившему ему навстречу небольшому, но крепко сложенному кобелю и что-то проскулил ему в ухо. Представитель банды твякнул и вильнул хвостом. Я понял, что у них произошел следующий разговор: «Здравствуйте! Я — такой-то, прибыл от таких-то, для такого-то дела». Ответ: «Приветствую! Давно ждем. Шеф готов вас принять. Пройдемте».

Пса с «Юго-Западной» провели в центр своры к маленькой, вытянутой, словно эспандер, коротконогой суке, имевшей туловище таксы и крокодилю морду с огромными зубастыми челюстями. Это видимо и был «шеф». «О! Да у них тут полный матриархат!» — воскликнул я про себя.

Мой земляк поклонился «шефу», встав, как цирковая лошадь, на сгиб передних ног. «Шеф» удовлетворенно кивнула. Начались переговоры. Соединив все эти повизгивания, потягивания, виляния и кивания в единую логическую цепь, я понял, что между животными состоялась такая беседа:

Шеф: «Наши договоренности в силе?»

Мой пёс: «Конечно».

Шеф: «Вы уверены?»

Мой пёс: «Уверены».

Шеф: «Тогда действуйте. Мы согласны».

Мой пёс: «Спасибо».

Шеф: «Желаю удачи!»

Мой пёс: «Аналогично».

Мой земляк откланялся и побежал вон с пустыря. Я сорвал ветку бузины, растер цветочек в ладонях и, стукнув себя по лбу, крикнул, как можно громче, причем с англоязычным акцентом: «Я есть старый дурак! Меня уже полчаса ждут в академия! Проклятый рассеянность!»

Конечно, все это вышло довольно наиграно, грубо, но собаки, вроде, поверили мне. Они не очень хорошо разбираются во всяких там постановочных штучках-дрючках. Скажу больше, они, вообще, не знают, что живой организм может прикинуться другим живым организмом. Мы же никогда не видели добермана, который под аплодисменты псиной публики копирует повадки пуделя. Максимум, что может сделать собака — притворится мертвой или доброй, чтобы потом неожиданно цапнуть обманутую жертву за ногу. А я — человек. И горд этим. В отличие от животных, ну, кроме обезьян и попугаев, я умею подражать, копировать, имитировать, пародировать. В арсенале человека — масса возможностей. Поэтому он считается венцом творения.

Не буду докучать подробностями обратного пути моей собаки и сопутствующей ей слежке. Лучше перенесемся сразу на Казанский вокзал, куда меня привели деловой пёс, мое преступное любопытство и злостная безответственность. Время клонилось к обеду. Железнодорожные рабочие и офисные служащие уже грезили вечерним отдыхом, а я топал по шпалам за собакой неизвестно куда.

Стоит отметить, что пространство, начинающееся там, где заканчиваются платформы Казанского вокзала — это отдельный, фантастический мир, не имеющий никакого отношения ни к Москве, ни к России. Здесь, среди хитросплетения рельс, расположен Дынный Город, населенный азиатами. Этот город желтеет россыпями сочных чарджоуских дынь-торпед. Есть здесь также Город Бомжей. Он находится в районе мусоросборников. Поезда дальнего следования освобождаются в этой точке от мусора и помоев, а выползающие из своих лачуг бездомные люди выбирают в мусорных контейнерах все, что полезно для их жизнедеятельности. И, конечно же, в Заказанском мире невероятное количество всяких вагонов.

Все это я увидел благодаря собаке, за которой следовал тенью. Пёс периодически останавливался, принюхивался, озирался, прислушивался... Он то замедлял ход, то вдруг срывался и несся невесть куда. А я за ним. Так продолжалось несколько часов.

Путь пса завершился около обшарпанного плацкартного вагона без обозначений пунктов следования. Я притаился под стоящей неподалеку цистерной, сгорая от желания побыстрее открыть загадку параллельной собачьей цивилизации.

Пёс направил морду в сторону вагонной двери и прогавкал строгий ритмический рисунок. Если перевести его сигнал на ноты, то получится восемь «гавов», уложенных в синкопу на два двухчетвертных такта. То есть, восьмая-четверть-четверть-четверть-четверть-четверть-восьмая-четверть-четверная пауза. Дверь вагона со скрежетом открылась, и наружу выкатилось голое человеческое пузо. Остальные части тела обитателя вагона, остались внутри. Еще я увидел схватившуюся за край двери здоровенную лапу с наколотым солнышком. Такие наколки делали в шестидесятые–семидесятые: закругленный край солнца находится около кисти, а от него к пальцам расходятся лучи.

— Абрам пришел! — пробасил обитатель вагона.

Барбос взвизгнул и завилял хвостом.

— Абраша! — радостно отозвался из глубины вагона пропитой женский голос. — Николай, зови его сюда быстрее! Наконец-то!

Абрам ловко запрыгнул в вагон. Дверь захлопнулась.

«Странное имя для пса — Абрам, — подумал я, — обычно собакам дают абстрактные комичные клички — Тузик, Жучка, Шарик. Изредка литературно-исторические, типа, Аргус, Наполеон, Чарли, Маркиз, Умка. Но причем здесь Абрам? Человек не мог назвать пса таким именем.

Я приложил ухо к стене поезда. Гробовая тишина. Ни лая, ни человеческих голосов. Робко постучался. Никакого эффекта. Постучался сильнее — без толку.

По поезду, в котором оказался Абрам, пробежала дрожь. Лязгнули сцепляющие устройства. Колеса вагонов медленно завращались. Пустой поезд-призрак, покотил вместе с моей тайной на восток.

«Летучий голландец, — подумал я, — не удивлюсь, если в кабине машинистов пустота».

— Добрый вечер! — строго-приветливо прозвучало за моей спиной. — Кто вы такой и чем здесь занимаетесь?

Я обернулся и увидел вохровца с кобурой на поясе.

— Да, видите ли, — залепетал я, — тут какое дело произошло...

Выслушав мою историю, вохровец велел мне срочно убираться из железнодорожного отстойника, пригрозив физической расправой. Я безропотно выполнил его наказ. Правда, найти дорогу оказалось непросто: везде вагоны, вагоны, вагоны и так до горизонта.

Я долго шел. Где-то в одиннадцатом часу, когда по городу расплылось чернильное пятно сумерек, я, наконец, обнаружил вокзал. Только почему-то не Казанский, а Рижский. Стало быть, я брел по Рижской ветке. По Рижской... Да-с.

На вокзале я внезапно вспомнил про мобильный телефон. Включил. Тридцать семь пропущенных вызовов: двадцать девять из редакции и восемь с химкомбината. Я решил срочно позвонить редактору, но не для того, чтобы объяснить причину моего исчезновения. Просто я понял, что если прямо сейчас не позвоню умному человеку и не расскажу об Абраме и его странных друзьях, меня просто разорвут на куски полученные впечатления.

